

УДК: 94(510).07

Завоеватели или мироустроители: проблема внешних войн в официальном историописании периода Цин

Юлия Олеговна Каморная,

старший преподаватель Школы региональных
и международных исследований Дальневосточ-
ного федерального университета, Владивосток.

Email: merit_nefer@mail.ru

В статье исследуется проблема интерпретации официальной исторической наукой внешних войн империи Цин второй половины XVII—XVIII вв. с точки зрения основных идеолого-политических концепций государства. Выделены основные противоречия и пути их решения в официальных исторических трудах этого периода.

Ключевые слова: внешние войны, умиротворение (*пиндин* 平定), мироустроение, универсальная монархия, официальное историописание, «стратегические планы» или «описание войн» (*фанлюэ* 方略).

Conquerors or pacificators: the problem of military expansion in official historiography of the Qing period.

Yulia Kamornaya. Senior Lecturer, School of Regional and International Studies of the Far Eastern Federal University, Vladivostok.

The article deals with the official historiography interpretation of the Qing military expansion during the second half of the XVII—XVIII centuries according to the main ideological and political concepts. The article shows the major contradictions as well as the ways of their solutions in the official historical compilations of the period.

Key words: military expansion, pacification (*pingding* 平定), world arranging, universal monarchy, official historiography, «strategic plans» or «military annals» (*fan-glue* 方略).

К концу XVIII в. Цинская империя была одним из крупнейших и могущественнейших государственных образований на Евразийском континенте. За 150 лет от завоевания Пекина и провозглашения восшествия на драконов престол новой династии Цин (1644) до конца царствования императора Цяньлуна (1795) маньчжурскому дому Айсиньгиоро удалось не только занять все территории, принадлежавшие ранее династии-предшественнице Мин (1368—1644), но и значительно расширить свои владения, включив в их состав Маньчжурию — родину правящего дома, Мон-

голию, Джунгарию, Кашгарию и Тибет [12]. По словам современников, «ещё никогда Китай не соединял в себе столько царств, не имел столь пространственных пределов как при настоящей династии» [21, с. XVI].

Естественно, столь быстрая территориальная экспансия была невозможна без активной военной агрессии, которая и характеризует внешнюю политику Великой Цин второй половины XVII—XVIII вв. Активный территориальный рост Поднебесной в описываемый период связан с деятельностью трёх величайших императоров дома Айсиньгиоро: Канси (пр. 1662—1722 гг.), Юнчжэна (пр. 1722—1735 гг.) и Цяньлуна (пр. 1736—1795 гг.).

Правление императора Канси, второго цинского Сына Неба на троне Срединной империи, ознаменовано окончательным покорением маньчжурами континентального Китая, подавлением восстания Трёх вассальных князей (三藩乱, 1673—1681)¹ и ликвидацией промински настроенного режима Чжэнов (1661—1683) на Тайване. Несмотря на то, что победу над «вассальными князьями» и покорение Тайваня, скорее можно отнести к делам внутренним, они имеют непосредственное отношение к территориальной экспансии империи Цин, так как знаменуют собой окончательную фазу 500-летней (1200—1700) колонизации Китаем юго-восточных территорий страны [29]².

Усмирение Поднебесной развязало руки маньчжурским правителям, которые тут же обратили свой взор на северо-запад. В середине XVII—XVIII вв. основными конкурентами Цинской империи в борьбе за господство на территории Центральной Азии были Россия, к тому времени колонизировавшая Сибирь и вышедшая к берегам среднего течения р. Амур, и набирающее силу Ойрато-джунгарское ханство. Противостояние с этими двумя государствами вылилось для Поднебесной в несколько военных конфликтов, в том числе: русско-цинские приграничные столкновения (1685—1689) и первая ойрато-маньчжурская война (1690—1697). Результаты этих конфликтов в целом были благоприятными для маньчжурского государства как в политическом, так и в территориальном плане. По итогам русско-китайских приграничных столкновений в 1689 г. был подписан Нерчинский мирный договор, закрепивший за Срединной империей территории правого берега р. Амур [22]. Ойратская же война принесла Китаю территории Северной Монголии (Халхи), вошедшей в состав Поднебесной в 1691 г., и султаната Хами, вверившего себя в руки цинского государства в 1697 г. Кроме того, эта война значительно ослабила Джунгарское ханство и привела к гибели его лидера хана Галдана (1644—1697), в 1697 г. совершившего самоубийство после поражения от цинских войск на р. Тола. Следует отметить, что Сын Неба, император Канси, лично возглавил два похода против Галдана в 1690 г. и в 1695—1697 гг., что является беспрецедентным случаем в цинской истории. Таким образом, по мнению американского синоведа Питера Пердью:

¹ Подробнее о восстании Трёх вассальных князей см. [20].

² Подробнее о колонизации Китаем юго-восточных территорий см. [29].

«Динамичная интервенция императора Канси трансформировала Цинское государство из многообещающего, но ограниченного предприятия в беспрецедентный проект экспансии. Монгольские же компании Сына Неба наиболее точно знаменуют собой эту трансформацию Цин в Центрально-Евразийскую империю мирового значения» [33, с. 133].

Правление императора Юнчжэна также было отмечено несколькими военными компаниями: военный поход в Тибет 1728 г., продолживший серию экспедиций его отца и предшественника Канси в 1718—1721 гг., в результате которого Страна Снегов хоть и не утратила полностью своей территориальной независимости, но попала под жёсткий контроль Цинской империи [3]; завоевание ойратского аймака³ Хошоут в районе Кукунора и присоединение в 1724 г. его территорий к Срединному государству (современная пров. Цинхай). Кроме того, император Юнчжэн, продолжая дело своего отца, также совершил поход против джунгаров в 1729—1734 гг., в целом провальный для маньчжурского Китая. Этот конфликт завершился длительными мирными переговорами, окончание которых пришлось уже на царствование нового Сына Неба, императора Цяньлуна. По итогам переговоров цинский Китай вернул Джунгарскому ханству значительные территории к востоку от Монгольского Алтая.

Дело расширения Китая на запад завершил император Цяньлун, четвёртый император династии Цин. Именно в его правление Цинская империя провела очередную военную экспедицию в Тибет (1750—1751), в результате которой Страна Снегов попала практически в полную зависимость от воли Пекина, де-юре оставаясь независимым государством, хотя к концу XVIII в. Тибет был-таки «полностью включён в состав империи Цин на правах «внешнего владения»» [3, с. 299]. Вероятно, крупнейшим военным достижением описываемого периода можно считать окончательную победу Великой Цин над своим заклятым врагом, Джунгарским ханством, в ходе двух кампаний 1755—1757 гг., приведших к практически полному истреблению ойратского народа [8]. Кроме того, территория Поднебесной значительно расширилась с покорением Кашгарии (Восточного Туркестана) в ходе компании 1758—1759 гг. Таким образом, западные экспедиции императора Цяньлуна принесли Срединному государству территорию общей площадью до 3 млн. кв. км, что примерно равнялось империи Великих Моголов в Индии [20]. Итак, как отмечает известный синолог Нин Чя, «Цинская империя под властью маньчжуров создала политическую общность, известную сегодня как «Китай», объединив традиционных антагонистов, аграрный «собственно Китай» (*нэйди* 内地, ‘внутренние земли’) и кочевников Внутренней Азии» [32, р. 1], став не только самым крупным государством за всю историю Поднебесной, но и самой обширной и могущественной страной в Восточной Азии.

Тем не менее список военных «триумфов» императора Цяньлуна отнюдь не ограничивался одними лишь западными походами. Подводя итог своему длительному 60-летнему правлению, монарх лично выделил

³ Аймак — тюркское и монгольское родоплеменное образование. Подробнее см. [2].

10 важнейших военных экспедиций своего царствования, получивших название «Десять военных свершений» (十全武功), а именно: две уже упоминавшиеся компании — против Джунгарского ханства (1755—1757) и завоевание Кашгарии (1758—1759), а также две Цзиньчунские экспедиции (1747—1749; 1771—1776) по подавлению восстаний в пров. Сычуань, подавление мятежа на Тайване (1787—1788), поход в Бирму (1765—1769), война с Вьетнамом (1788—1789) и две компании против гуркхов в Тибете и Непале (1788—1793)⁴ [40]. Несмотря на то, что некоторые из этих компаний — Цзиньчуанские войны и усмирение Тайваня — представляли собой подавление внутренних восстаний, а компания в Бирме оказалась «самой катастрофической приграничной войной, когда-либо проведённой династией Цин» [28, с. 145], именно эти военные акции император Цяньлун воспел в собственноручно написанном им в 1792 г. эссе «Записи о Десяти свершениях» («十全记»), а себя стал именовать «Старцем Десяти свершений» (十全老人) [36; 16].

Территориальная экспансия сопровождалась беспрецедентной компанией по восхвалению и прославлению силы цинского оружия, достигшей своего апогея в правление императора Цяньлуна. Блестящие победы армий Поднебесной увековечивались в стихах и прозе (стоит отметить, что лично маньчжурскому Сыну Неба приписывается авторство около 1500 таких произведений [36]⁵), воплощались в камне, живописи и каллиграфии. Кроме того, двором проводились роскошные ритуальные празднования, посвящённые победам в важнейших войнах царствования. Как отмечает американский китаевед Джоанна Вэйли-Коэн, «...официальное прославление войны в Китае XVIII века стало важнейшей социальной, культурной и политической инициативой, мероприятием, проводимым при покровительстве и зачастую под личным надзором самого императора» [36, с. 24].

Такая чрезвычайно агрессивная внешняя политика маньчжурских правителей и чрезмерная милитаризация общества и культуры в целом никак не вяжется с традиционной конфуцианской идеологией, приемниками и всемерными блюстителями которой позиционировали себя власти Великой Цин. Война, особенно наступательная, никогда не входила в ценностные приоритеты корифеев китайской мысли, более того, грубая агрессия

⁴ Помимо перечисленных компаний в правление императора Цяньлуна цинские армии также три раза отправлялись на подавление мятежей мусульманских народностей, населявших территории пров. Синьцзян в 1765 г. и Ганьсу в 1781 г. и 1784 г. соответственно; на подавление восстания в пров. Шандун в 1774 г., усмирение восстания народности мяо в пров. Юньнань и Хунань в 90-х гг. XVIII в. Однако, цинский монарх посчитал эти «незначительные» локальные конфликты недостойными войти в список его великих свершений. См. [36; 40].

⁵ Впервые августейшие стихи и прозу на тему Десяти свершений обобщил Пэн Юаньжуй (1731—1803 гг.) в компиляции «高宗御制诗文十全集» («Подготовленное по высочайшему повелению собрание стихов и прозы Гаоцзуна о десяти военных компаниях»). Труд состоял из 45 *цзюаней* и был представлен на высочайшее одобрение в 1794 г. Подробнее см. [36].

полностью противоречила конфуцианским представлениям о социальном порядке, основанном на морально-этических императивах. Именно *вэнь* (文), культура или цивилизованность, т.е. знание и строгое следование нормам этики и морали, возвышало жителей Поднебесной над их дикими и примитивными соседями, не знающими таких основополагающих принципов как гуманность (*жэнь* 仁) или сыновняя почтительность (*сяо* 小), а руководствовавшихся в своих действиях исключительно алчностью и личной выгодой [14]. Даже такой апологет военной классики как Сунь цзы (IV—V вв. до н.э.) в своём известнейшем трактате «Искусство войны» («兵法») говорит о том, что война разрушительна для государства, и её следует избегать всеми возможными средствами, но если всё же зло неизбежно, то следует свести к минимуму его пагубные последствия. В идеале войну следует выигрывать бескровно, не вступая в непосредственное столкновение [11]. Конфуцианцам вторили даосы, также считавшие, что завоевательные войны — это зло. В каноническом труде даосской философии, «Дао дэ цзин» («道德经») сказано: «Кто служит главе народа посредством *дао* (道), не покоряет другие страны при помощи войск, ибо это может обратиться против него. Где побывали войска, там растут терновники и колючки. После больших войн наступают голодные годы» [5, т. 1. с. 124]⁶.

Агрессивная внешняя экспансия противоречила не только общекультурным ценностям конфуцианства, но, что ещё более важно для иноземной династии, пришедшей к власти путём военной силы, она шла в разрез с политической традицией, а именно с ханьскими воззрениями на природу власти императора и его функции. С древнейших времён в Китае правитель считался посредником между высшими силами, Небом и миром смертных, наделённым Небом особой благотворной силой — *дэ* (德), что, собственно, и давало ему право на получение Небесного мандата (*тяньмин* 天命) на управление Поднебесной. Одной из важнейших функций императорской власти считалось мироустройство, т.е. достижение вселенской гармонии под влиянием всей той же благотворной силы *дэ* монарха. Так как *дэ* совершенно мудрого Сына Неба (*тяньцзы* 天子) не знала границ, она равно воздействовала во всех направлениях как на самих китайцев, так и на варваров, которые, благодаря этому, выходили из своего плачевного звероподобного состояния, преображались (*хуа* 化) и вливались в гармоничный вселенский миропорядок, что выражалось в непреодолимом стремлении продемонстрировать свою искренность (*бяочэн* 表誠) путём привоза «местных товаров», т.е. дани к августейшему двору [14]. Таким образом цивилизованная Поднебесная во главе с мудрым Сыном Неба бескровно расширяла свои границы, опираясь лишь на благое воздействие безграничной добродетели (*дэ* 德), милости (*энь* 恩 или *хуй* 惠) и любви или гуманности (*жэнь* 仁) императора [13]. В идеале достигалось состояние, при котором «дальние» (*юаньжэнь* 远人) становились «ближними» (*чжунжэнь* 中人), а в мире царила гармония: «Дальние и ближние стано-

⁶ Подробнее о даосских взглядах по проблемам войны и мира см. [25].

вятся единственными, в центре и на периферии царит мир и счастье» [Цит. по 14, с. 79], процесс мироустроения завершён.

Итак, парадокс: целое столетие внешних войн, проведённых «самой конфуцианской и идеологической» [16, с. 211] династией, никогда «не опиравшейся на военную силу» [42, с. 5:59 б], а «единственно уповающей на добродетель... в управлении мириадами подданных» [42, с. 5:59 б], более того «глубоко осознавшей запрет утруждать войска и злоупотреблять оружием» [Цит. по 16, с. 222] и «изначально не одобрявшей убийство» [23]. Так как же «самая ортодоксальная» [16, с. 221] династия Китая примирила пацифистскую теорию с агрессивной практикой?

Подводить идеологический базис под события конкретной исторической реальности в Срединной империи с древних времён вменялось в обязанности официальному историописанию — науке, традиционно являвшейся одним из важнейших механизмов социальной индоктринации. Специально для этой цели цинскими историографами в конце XVII столетия был разработан особый вид исторических трудов — *фанлюэ* (方略) или *цзилюэ* (纪略). Название этого вида исторической литературы российские китаеведы переводят как «стратегические планы» или «описания войн». В англоязычной литературе *фанлюэ* также имеет несколько переводов: «strategic plans» или «military annals» соответственно. Несмотря на то, что по традиционной классификации *фанлюэ* относились к жанру «*цзи ши бэнь мо*» (纪事本末 полное описание событий от начала до конца), тем не менее, как отмечают многие синологи, эти труды имели все признаки самостоятельного жанра [7]. Стоит отметить, что военные свершения Сынов Неба описывались и ранее, например в таких трудах, как «правдивые записи» (*шилу* 实录) императоров, на основе которых в дальнейшем составлялись династийные истории, но никогда раньше тема войн не выделялась в отдельную самостоятельную категорию. Уже сам по себе факт появления нового, неосвящённого традицией вида литературы в такой издревле консервативной сфере как официальная историческая наука, говорит о том, насколько важно для маньчжурских завоевателей было привести свои экспансионистские амбиции в строгое соответствие с политической традицией завоёванного Китая.

Начало жанру положил император Канси, по приказу которого были составлены первые три «описания», посвящённые его победам над «князьями — данниками», русскими и ханом Галданом: «Описание подавления трёх изменников» («平定三逆方略»), «Описание усмирения русских» («平定罗刹方略»)⁷ и «Описание государева похода и усмирения населения территорий к северу от пустыни» («亲征平定朔漠方略») от 1682 г., 1689 г. и 1708 г. соответственно. Его сын и преемник император Юнчжэн на данном поприще никак не отметился, что можно объяснить относительной незаинтересованностью последнего в исторической науке в целом [45].

⁷ После первых контактов, происшедших в Приамурье в середине XVII в., русские получили уничижительное название «*лоча*» (транслитерация санскритского слова «ракша» — «демоны, преследующие людей»). См. [19].

Зенита своего развития «описания войн» достигли при императоре Цяньлуне, на царствование которого приходится 10 сочинений этого жанра, в том числе и посвящённые его компаниям, вошедшим в список «Десяти свершений»: два описания Цзиньчуаньских компаний («平定金川方略» и «平定两金川方略»); «Описание усмирения джунгаров» («平定准噶尔方略»), составленное в трёх частях, изданное в 1772—1774 гг.¹ и включавшее в себя как описания компаний периода царствования Цяньлуна, так и походы его предшественников, императоров Канси² и Юнчжэна; «Описание умиротворения Тайваня» («平定台湾纪略»); «Описание похода в Аньнань» (Вьетнам) («平定 安南纪略»); «Описание похода в Непал» («平定 巴勒布纪略») и «Описание войны против гуркхов» («平定廓尔喀纪略») [37].

Фанлюэ, как и большинство произведений официальной историографии, представляли собой компилятивные труды. В основном они составлялись на основе копий официальных документов: августейших указов, предписаний, декретов, переписки Сынов Неба с правителями стран — участниц конфликтов и их соседями; докладов и приказов таких придворных ведомств, как Государственный совет (*Цзюньци чу* 军机处), Палата внешних сношений (*Лифаньюань* 理藩院) и др., а также докладных записок и рапортов командующих войсками, разного рода бюрократической переписки и т.д. Иногда в эти труды также включались комментарии составителей по отдельным крупным решениям Цинского двора [10].

В связи с особой важностью, а во многих случаях и с секретностью указанных выше материалов³, их хранением, а также собственно составлением *фанлюэ* занималось особое ведомство — Комитет по составлению и хранению описаний войн (*фанлюэгуань* 方略馆) или, как принято именовать его в западной синологии, Военный архив (Military Archive), находившийся в непосредственном подчинении Государственного Совета и являвшийся одним из крупнейших институтов внутреннего двора (*нэйтин* 内廷) [26]. Следует отметить, что сам Комитет как институт, непосредственно ответственный за компиляцию и хранение *фанлюэ*, появился достаточно позд-

¹ Согласно китайским историкам Фэн Цзяшэну, Чэн Суло и Му Гуанвэню, «*Пиндин чжуньгээр фанлюэ*» был напечатан в 1772 г. См. [38]. Однако, в последний *цзюань* дополнительного составления (*сюйбянь*续编) вошли документы, датированные октябрём, декабрём 1773 г. Следовательно, в полном объёме источник печатался в течение нескольких лет. См. [10].

² Составленное ранее при императоре Канси «Описание государева похода и усмирение населения территорий к северу от пустыни» («亲征评定朔漠方略») частично вошло в первую часть (*цяньбянь* 前编 первое составление) «*Пиндин чжуньгээр фанлюэ*» [10].

³ Следует отметить, что многие из документов, на которых основаны описания войн, например доклады о результатах разведки и допроса пленных, были настолько секретны, что не упоминаются в иных исторических источниках того периода, даже в таких крупных как «Правдивые записи о всех правителях династии Великая Цинь» («大清历朝实录») или «Записки у ворот Дунхуа» («东华录») [10]. Более того, как отмечают некоторые учёные материалы *фанлюэ*, в частности «*Пиндин чжуньгээр фанлюэ*», не только не вошли в «*Шилу*», но и «противоречили официальной историографии по ряду вопросов» [24, с. 139].

но, в 1749 г., по предложению двух влиятельных сановников того периода, Чжан Тинъюя и Лая Бао, приуроченному к созданию описания первой цзиньчуаньской компании, «*Пиндин цзиньчуань фанлюэ*»⁴. В дальнейшем вся работа, связанная с этими трудами проводилась преимущественно чиновниками внутреннего двора под руководством высших членов академии Ханьлинь (*Ханьлинь юань* 翰林院) — оплота традиционной конфуцианской учёности и Государственной канцелярии (*нэйгэ* 内阁) [26]. Для сравнения, один из основополагающих жанров официальной историографии — династийные истории, компилировались Комитетом по составлению «истории государства» (*гошиюань* 国史院) под руководством всё той же академии Ханьлинь. Оба этих учреждения, несмотря на всю их важность, относились к аппарату внешнего двора (*вайчао* 外朝) [26]. *Фанлюэгуань*, как и *гошиюань*, функционировал на постоянной основе и возглавлялся Великими секретарями. Непосредственно же для компиляций «описаний войн» по высочайшему указу создавались особые комиссии, в состав которых входили члены императорской фамилии, высшие гражданские и военные сановники государства, как маньчжуры, так и китайцы, — некоторые из них лично бывали на полях сражений, возглавляли описываемые компании или занимались их непосредственным администрированием и финансированием при августейшем дворе [10; 7; 33]. Например, над составлением «Описания усмирения русских» («*平定罗刹方略*») трудился лично тогдашний глава академии Ханьлинь Чан Шу [23], а компиляцией труда «Императором утверждённое описание усмирения джунгаров» («*亲征平定朔漠方略*») занималась комиссия в составе 86 человек под руководством Бо Хэня, маньчжурского министра и крупного полководца, руководившего походами цинских войск в Юго-Восточную Азию и Джунгарию [10]. Сами труды, как и все важнейшие документы империи и исторические компиляции, издавались на трёх языках: маньчжурском, монгольском и китайском.

«Описания войн» подлежали обязательному высочайшему утверждению, о чем свидетельствует формула «императором утверждённое» (*циндин* 钦定) в названиях произведений этого жанра. Так, например, полное название «Описания усмирения русских» выглядит следующим образом: «Императором утверждённое описание усмирения русских» («*钦定平定罗刹方略*»)⁵, а «Описание усмирения джунгаров» — «Императором утверждённое описание усмирения джунгаров» («*钦定平定准噶尔方略*»). Подобные формулы также являлись цинским нововведением и наравне с собственноручно написанным монаршим предисловием жаловались только очень важным историческим трудам. Кстати, большинство трудов этого жанра описываемого периода такого предисловия имеет. [7].

⁴ Первые три фанлюэ императора Канси, хоть и не были составлены фанлюэгуань, тем не менее также компилировались чиновниками внутреннего двора под руководством Великих секретарей и академии Ханьлинь. См. [26].

⁵ Так же имеется другой перевод — «Императором утверждённые стратегические планы усмирения русских» [23].

Итак, что же такое внешние войны конца XVII—XVIII вв. с точки зрения официальной исторической науки Великой Цин? Поиск ответа на этот вопрос представляет собой достаточно трудную задачу. Трудность обусловлена прежде всего весьма своеобразным представлением жителей Поднебесной об устройстве мира в целом, а также о месте и роли собственно Китая и его правителей в мире.

С древнейших времён отношения между Срединной империей, её близкими и не очень близкими соседями строились на трёх китах: синоцентристском видении мирового устройства, доктрине единственности и универсальности власти китайских императоров и концепции о мироустроительной природе власти Сына Неба [3, 14, 15]. Естественно, что при таких взглядах на мироустройство не могло быть и речи об отношениях равного партнёрства между Китаем и его соседями. Межгосударственное взаимодействие строилось исключительно по иерархической схеме «господин» — «вассал» или данник [3, 15, 27]. Придя к власти, цинские императоры полностью восприняли традиционный китайский взгляд на устройство мира и вертикальную схему международных отношений, которые просуществовали вплоть до столкновения Китая с европейским колониализмом в середине XIX в. и последовавшей за этим колонизацией страны.

Исходя из доктрины универсальности власти китайских императоров, для Сына Неба «не существовало внешнего» (*у вай* 无外), так как его власть распространялась на все народы, обитающие под Небом, которые таким образом трактовались как подданные правителей Поднебесной. Об этом неоднократно заявлялось в цинских официальных документах, в том числе, исторических. Например, в «Описании усмирения гуркхов» сказано: «Наше государство управляет [всем] миром. Даже самые окраинные земли и самые чуждые [нам] правящие дома перешли [под нашу власть] и крепко связаны [нами]» [цит. по 15, с. 245] или «Повелитель Вселенной управляет [всей] Поднебесной. Среди живущих [в ней] нет никого, кто [бы] не подчинился [ему] искренно. Все [без исключения] должны взирать на него снизу вверх» [6, с. 23—24], или «все, кто под Небом — подчинённые императора» [43, т. 2. ч. 2. с. 2104]. Таким образом, может сложиться мнение, что цинские монархи внешних войн не вели, а лишь усмиряли локальные усобицы и антиманьчжурские выступления своих отдельных вассалов. Однако, такое предположение не совсем верно. Действительно, официальные источники описываемого периода прямо не говорят о том, что Поднебесная расширила свои владения за счёт кого-либо из своих соседей. Однако в исторических произведениях и других официальных источниках часто можно встретить любопытные противоречия. В этом плане показателен «Описание усмирения русских». Этот труд был составлен по приказу императора Канси и освещал события русско-маньчжурского приграничного конфликта, возникшего в результате споров относительно территориальной принадлежности Приамурского региона. Итак, в «Описании усмирения русских» импера-

тор Канси неоднократно заявляет: «Русские, подчинённые государства Олосы, вторглись в пределы нашего Хэйлунцзяна...» [23] или «вы (русские) углублялись в наши внутренние земли» [23], или «Русские в течение более 30 лет беспокоили районы нашего Хэйлунцзяна и Сунхуацзяна, и места, захваченные ими находятся в чрезвычайной близости от мест возникновения нашей династии» [23] и т.д. При переговорах относительно размежевания границ в мае 1688 г. китайская сторона также неоднократно заявляла, что «...русские вторглись в наши границы... на реках Хэйлунцзян, Сунхуацзян и Хурама, заняли принадлежащий нам Нерчинск и Албазин...»⁶ [23], однако далее в документе говорится, что при установлении границы, произошедшем, между прочим, по указке «наших», т.е. цинских сановников, «земли, лежащие на северо-востоке на пространстве нескольких тысяч *ли* и никогда раньше не принадлежавшие Китаю, вошли в состав наших владений» [23]. Здесь также интересно отметить, что северная государственная граница империи Цин была защищена в XVIII в. Новым палисадом — пограничной стеной, составлявшей продолжение Великой Стены и протягивающейся от Ляодунского залива к верховьям Сунгари почти на 1000 км. южнее Амура, а широкая полоса амурского правобережья была территорией обитания аборигенов, неподвластных маньчжурам [17]. Другой исторический источник, «Описание усмирения гуркхов», также повествует о том, что Непал напал на Тибет, который «давно относится к [нашей] территории» [Цит. по 15, с. 237], хотя из переписки императора Цяньлуна с тибетцами, данной всё в том же «*Циньдин коэрка цзильюэ*», видно, что Страна снегов отнюдь не являлась частью Китая. Кроме того, интересно, что и Непал, наравне с Тибетом, также считался «вошедшим в состав территорий» [Цит. по 15, с. 238] данником Срединной империи. Подобные противоречия встречаются не только в контексте одного отдельно взятого исторического произведения, но и между историческими источниками и официальными административными документами. Например, в «Правдивых записях» (*шилун*) своего правления императора Канси ещё в 1697 г. заявляет: «Как Халха, так и Ойратия с самого начала являются [нашими] данническими владениями» [9, с. 59]. При этом, согласно документам Лифаньюань от 18 июня 1763 г., цинское правительство официально признает, что до 1757 г. Ойратское государство было независимым от цинского Китая — соседним с ним государством, правители которого, согласно документам, «вопреки здравому разуму... начали вести себя надменно и необузданно»

⁶ Интересен тот факт, что в таком наиболее раннем собрании китайских исторических материалов об отношениях между Китаем и Россией, как «*Шофан бэйчэн*» («朔方备乘» «Описание северного района» или «Полное описание северной границы»), опубликованном в 1881 г., период царствования императора Сяньфэна (пр. 1850—1861 гг.), и, кстати, включавшем в себя «*Пиндин лоча фанлюэ*», китайские власти открыто признают район Албазина русской территорией: «На северо-восточной окраине у границ с Россией нет более известного места, чем крепость Якса (Албазин). Почти в тысяче *ли* к западу от крепости Якса находится Нерчинск. Эта земля уже вошла в территорию лоча» [Цит. по 1, с. 102].

[Цит. по 18, с. 177], в результате чего были «усмирены» цинским императором, который затем присоединил их земли к своим владениям⁷.

Как же так получается? Дело в том, что амбициозные заявления китайских Сынов Неба о мировом господстве отнюдь не предполагали реальной территориальной включённости соседних народов в состав Срединной империи. Китайские «данники» представляли собой вполне самостоятельные государства в территориальном, а в большинстве случаев и в политическом плане. Зачастую вся их «вассальная зависимость» ограничивалась периодическим, как правило, раз в 3 года, привозом «местных продуктов» (дани) к августейшему двору и символической интронизацией местных лидеров китайским императором, путём пожалования последним соответствующих грамот [3, 15, 27]. Кстати сказать, ответные подарки правителей Поднебесной и маньчжуров в том числе, намного превосходили получаемую ими «дань», как своей ценностью, так и объёмом. Подобное иерархическое видение межгосударственных отношений представляло собой исключительно политический ход, направленный на демонстрацию монаршего величия, прежде всего, своим китайским, подданным [27]. К этому заключению ещё в XIX в. пришёл знаменитый русский исследователь Китая Иакинф Бичурин, писавший в своём труде «Описание Тибета в нынешнем его состоянии»: «Несправедливо полагают в Европе, будто Тибет платит подать Китаю. Двор Китайский в порабощении окрестных владений ищет только славы для себя и тишины для своего народа, и, почитая уничтожение прочным основанием своему спокойствию, отнюдь не касается их выгод. В силу постановлений древнего поместного правления, Богдо — хан как Глава Империи, возлагает обязанность на своих вассалов представлять ему свои местные произведения, что у нас называют данью: но сия дань, будучи нечто иное как изъявление подданничества, всегда бывает маловажна в количестве, а Двор Китайский напротив в сугубой награде за оную поставляет своё величие, ничего не требуя от их владений» [21, с. 205—206]. И если такие относительно близкие в территориальном плане «подданные» Срединной империи как Халха, Цинхай, Джунгарское ханство, Кашгария и Тибет к концу XVIII в. всё таки были реально интегрированы в состав Поднебесной⁸, и то только в статусе «внешних владений», т.е. своеобразной буферной зоны, окружавшей собственно Китай, то отдалённые «данники», такие как Вьетнам, Бирма, Непал, так и остались в разряде «номинальных» [3, 27].

⁷ В своём исследовании истории Джунгарского ханства известный советский востоковед Златкин И.Я. со ссылкой на различные источники, русские, монгольские, китайские, и прежде всего на «*Циньчжэн пиндин шомо фанлюэ*», в переводе И. Россохина от 1750 г. получившего название «История о завоевании китайским ханом Канхием калкаского и элетского народа, кочующего в Великой Татарии, состоящая в пяти частях», также показал вполне независимое положение Ойратского государства в период правления императора Канси. См. [8].

⁸ Их вхождение в состав Срединной империи подтверждалось как историческими трудами, так и официальной административной документацией, прежде всего документами Лифаньюань [31].

Синоцентристское видение мира сформировало в китайском обществе определённое отношение к окружающим Срединную империю народам в целом и к методам обращения с ними в частности. Следует отметить, что образованная элита Поднебесной в большинстве своём вообще не считала «варваров» за людей, о чем собственно не стеснялась громко заявлять. По мнению многих представителей конфуцианского учёного мира, варвары были подобны «диким зверям» [41, с. 12], «возмущавшим спокойствие Поднебесной» [39, с. 196], поэтому нормы общепринятой морали к ним были неприменимы. Один из просвещёнейших людей своего времени, знаменитый философ, историк и общественный деятель, Ван Чуаньшань (Ван Фучжи, 1619—1692 гг.) так выразил бытовавшие тогда взгляды: «Любую борьбу с варварами Срединное государство не должно называть войной, так как их уничтожение не является жестокостью, обман их не является вероломством, занятие их территории и конфискация их собственности не являются несправедливостью» [Цит. по 4, с. 154]. Официальная историческая наука в целом разделяла общепринятые взгляды, хотя и трактовала применение военной силы с несколько иной точки зрения, а именно с позиций концепции мироустроительной монархии.

Подходя к окружающему миру с точки зрения универсальности своей власти, цинские монархи, в отличие от своих ханьских подданных, не могли позволить себе роскоши дискриминировать другие народы, по крайней мере, в политико-идеологической сфере, идейным выразителем которой являлось официальное историописание. Напротив, маньчжурские Сыны Неба непрерывно заявляли о том, что они «ко всем относятся справедливо» [10, с. 82]. Несмотря на то, что варвары «по своей природе упрямы» [23], «темны» и «невежественны» [23], нравы их «подобны нравам диких зверей» [23] и «доверять им нельзя» [23], так как «подчиняются они или бунтуют — зависит от того находятся ли они в рассвете сил или в упадке» [43, ч. 2 с. 2075], августейшие добродетели позволяли императорам «уважать приобретающих разум и признающих свою вину» [10, с. 82]. Концепция мироустроительной монархии предполагала, что основной функцией правителя являлось достижение мировой гармонии, т.е. спокойствия и процветания для всех обитателей этого брэнного мира. Теоретически добродетельность, гуманность и великодушие монарха, распространяясь повсеместно и «находя себе опору на Небе, на земле и во всех четырёх странах света» [23], благотворно воздействовали на варваров, сподвигая последних к преобразению (хуа 化) [13; 15], которое выражалось в стремлении оных «приобщиться к цивилизации» [23]. Как отмечает известный отечественный синолог Мартынов А.С.: «Китай... видел смысл и цель внешних сношений лишь в том, чтобы изменить, преобразовать внешний мир, а сами отношения рассматривал как процесс преобразования» [15, с. 42]. При нормальном течении процесс мироустроения должен был приводить к добровольному и тотальному подпаданию варваров под власть китайских императоров. В идеале достигалось состояние, когда «нет таких, кто бы не пришёл покориться, нет таких, кто бы не обратился к преобразению» [43, т. 2, ч. 2, с. 1594, 1595],

так как «все люди, живущие в местах заброшенных и диких, узнали [высочайшие] моральные принципы, обрели животворный дух и внутреннюю природу, все они прониклись (императорский) мудростью» [23]. Тем не менее, в непростом деле мироустройства иногда случались досадные недоразумения — не знающие волю Неба варвары отказывались воспринимать августейшее преобразующее влияние. В этом случае маньчжурским монархам просто приходилось применять силу [10; 23] и то, только после многократных и бесплодных увещаний [10], тогда как сами Сыны Неба «более всего ценили непричинение бедствий» [Цит. по 33, с. 200]. Как заявлял император Канси в «Описании государева похода и усмирения населения территорий к северу от пустыни»: «Использовать войска — жестоко. Правитель прибегает к ним только в случае нужды... С древних времён те, кто любили далёкие экспедиции, наносили вред духу страны. Вот почему я более всего ценю непричинение бедствий» [Цит. по 33, с. 200]. Более того, применение военной силы с позиций концепции мироустроительной монархии рассматривалось не как реальное действие, а как символическая, а потому бескровная демонстрация августейшей «грозности» (*вэй* 威), которая наряду с гуманностью (*жэнь* 仁) и милостью (*энь* 恩) являлась ипостасью благой силы или добродетели *дэ* (德) монарха [13], и как таковая абсолютно обоснованно могла быть применена как в управлении собственными подданными, так и в отношении «варваров — данников» [15; 16].

«Бескровная» демонстрация маньчжурскими императорами своей «грозности» также подчёркивается тем фактом, что материалы «фанлюэ» практически не содержат описаний собственно военных, батальных, действий. Например, «Описание усмирения русских» чрезвычайно лаконично описывает осаду и взятие Албазина, уделяя основное внимание поведению о манёврах и обеспечении войск, награждениях, наставлениям о гуманном обращении с пленными и разного рода административным вопросам [23], что, помимо прочего, было призвано ещё раз продемонстрировать гуманность, милосердие и мудрость, проявляемые августейшим Сыном Неба, как в отношении собственных войск, так и в отношении русских пленных и даже перебежчиков.

Ещё одной интересной особенностью трактовки военных компаний Великой Цин официальной исторической наукой является их явный реакционный характер при отсутствии достойных внешних врагов. Согласно официальной версии событий, Срединная империя в описываемый период хотя и принимала участие в военных конфликтах, но никогда не начинала их сама, а исключительно «пользовалась случаем» [10, с. 81]. При этом, по свидетельствам всё того же официального историописания, никто из соседей бросить вызов авторитету и власти Небесной династии не осмеливался. Например, в «Описании усмирения гуркхов», посвящённом войне с Непалом, говорится: «... гуркхи устроили беспорядки и начали свару только потому, что повздорили с тангутами из-за задолженности [последних]. [Они] отнюдь не осмеливались выступать против Небесной династии» [Цит. по 15, с. 236], то есть непальцы напали на Тибет, а вовсе

не на Китай. В «Описании усмирения джунгаров» также читаем: «Провозглашение Даваца⁹ ханом является результатом междоусобицы внешних варваров, [поэтому] не было необходимости применения сил против него и привлечения [его] к ответственности» [10, с. 81], «...у Даваца не было намерения совершить преступление перед Небесной династией» [10, с. 82], что, однако, не помешало императору Цяньлуну в 1755 г. отправить в Джунгарию 200-тысячную армию [8]. Получается, что, как и в случае с Непалом, Срединная империя почему — то вмешалась в местный конфликт, который собственно к ней не имел никакого отношения. Рассценивать при таких обстоятельствах действия маньчжурского Китая как необходимую и оправданную самооборону крайне затруднительно.

Несколько иная, хотя в целом схожая ситуация складывается с трактовкой русско-китайского пограничного конфликта, а также с Ойрато-маньчжурскими войнами. Как уже описывалось выше, территориальная принадлежность Приамурского региона была спорной даже в контексте «Описания усмирения русских», несмотря на заявления маньчжуров о том, что русские казаки якобы нарушили границу Китая. Борьба ойратского хана Галдана и Халхи, начавшаяся ещё в середине 1680-х гг., переросла в противостояние с Пекином только в 1688 г., когда владетельные халхаские князья, выбрав меньшее из зол, «предались в руки» Срединной империи, как сказано в «Описании государева похода и усмирения населения территорий к северу от пустыни»: «...Ныне уже... все ханы, дзинуны, нояны и тайдзи до последнего человека со всеми своими подданными в наше подданство совершенно отделились, и мы... приняв их, присовокупили в число наших подданных...» [Цит. по 8, с. 185]. Однако следует отметить, что джунгарский правитель выступал вовсе не против Поднебесной, а против всё тех же халхаских ханов, убивших его брата и разграбивших некоторые из его кочевий. Более того, само маньчжурское правительство полностью признавало их вину, например, в своём письме от 1689 г. император Канси пишет: «...Тусету-хан и Джебдзун-Дамба-кутухга, не хотят жить в покое, наши указы преступили и к возбуждению войны наперёд против вас вооружившись... твоего меньшого брата Дордзиджаба убили, и тем они к своей собственной гибели и разорению прямую дорогу показали. А одержанная твоя победа над калками от того зделалась, что они несправедливым образом наперёд тебя задрали. И потому всю вину на калков положить надлежит, а ты перед нами совсем прав... Мы за то тебе никакой вины приписать не можем... а за то, что они своим безумством подали причину к возбуждению войны, жесточайшими словами наказали...» [Цит. по 8, с. 185]. Тем не менее,

⁹ Даваца (пр. 1753—1755) — один из последних правителей Джунгарского ханства, пришедший к власти в результате междоусобной борьбы, возникшей после смерти хана Галдана — Цэрэна (пр. 1727—1745), IV правителя Ойратской державы. Был свергнут в 1755 г. объединёнными силами Цинского Китая и своего бывшего сподвижника Амурсаны (пр. 1755—1757 гг.), ставшего последним правителем Джунгарии и возглавившего антицинскую борьбу ойратских монголов 1755—1757 гг. закончившуюся полным поражением и почти поголовным истреблением последних. Сам Амурсана умер в сентябре 1757 г. в Тобольске от оспы. См. [8].

подобные заявления маньчжурского императора отнюдь не помешали ему начать военные действия против Галдана в 1690 г., когда последний по собственному признанию нарушил границы Цинской империи, но сделал это исключительно стремясь покарать халхов [8].

На этом фоне борьба императора Цяньлуна с ойратским ханом Амурсаной, возглавившим антицинское движение в уже почти покорённой Джунгарии в 1755 г. и в «Описании усмирения джунгаров» иначе как «изменником» (*ницзэй*) не называвшимся [10], представляется прямо — таки актом праведного гнева. Дело в том, что Амурсана, проиграв хану Даваци в борьбе за ойратский престол в 1754 г., бежал в Пекин, где признал себя подданным Великой Цин и был пожалован титулом князя первой степени (*цин вана*) [10]. Впоследствии после почти полного покорения цинами Джунгарии и пленения Даваци Амурсана бежал и поднял вооружённое восстание, чем собственно и вызвал августейший гнев. Напомним, однако, что согласно документам Лифаньюань от 1763 г. цинское правительство официально признает, что до 1757 г. Ойратское государство было независимым от цинского Китая. Таким образом, если борьбу цинов лично с Амурсаной как с подданным империи, поднявшим мятеж, ещё можно признать оправданной, то правомерность «усмирения» независимых ойратов, причём на их же территории, вызывает большие сомнения. Более того, раздробленное, ослабленное междоусобицами и полупокорённое цинскими армиями Джунгарское ханство вряд ли можно считать сколько бы то ни было серьёзной угрозой. Итак, складывается очень интересная ситуация, при которой в мире нет не то чтобы достойного соперника, но даже и намёка на возможность вызова китайскому могуществу, а «вынужденные» [10; 23] и «оправданные» [10; 23] войны есть.

Цинское официальное историописание трактовало подобную дихотомию, опираясь всё на ту же концепцию мироустроительной монархии. Напомним, что основной функцией правителя — мироустроителя являлось достижение и сохранение мира и гармонии для всех, живущих под Небом. Согласно «Описанию государева похода и усмирения населения территорий к северу от пустыни», император Канси в своём письме к хану Галдану так описал основополагающие цели своего правления: «Моя основная цель — обеспечить мир и благополучие для всех людей... Я считаю, что все, живущие под Небом, находятся под моей защитой. Забота о них и облегчение их страданий — вот моя непреходящая обязанность. Я помогаю им из сострадания, а не ради выгоды...» [Цит. по 34, с. 270, 271]. Таким образом, причины демонстрации маньчжурскими правителями своей «грозности» виделись вовсе не в том, что один из «вассалов» напал на другого, и даже не в нарушении кем — то из соседей собственно китайской границы — такие стычки происходили достаточно часто, и как правило, рассматривались как нечто незначительное. Например, по поводу нападения Непала на Тибет император Цяньлун в «Описании усмирения гуркхов» высказался следующим образом: «На этот раз, когда [они] вновь совершили нападение на Тибет, я полагал, что если их намерения таковы, как... стремление

к мелкой корысти, то из-за этого не стоило [бы] предпринимать большой поход и отправлять туда войска» [Цит. по 15, с. 237]. Основная причина применения маньчжурскими правителями военной силы состояла в том, что «безрассудное поведение» [Цит. по 15, с. 244] отдельных вассалов нарушало мир и гармонию, вызывая страдания населения. Как заявил в октября 1755 г. всё тот же император Цяньлун в «Описании усмирения джунгаров»: «Люди различных племён Джунгарии убивают друг друга. Народ потерял покой. Я, объединяя всю Поднебесную, не могу смотреть [на это] сложа руки. Поэтому специально посылаю крупные силы по двум дорогам для покорения [их]» [10, с. 73, 74]. Или: «В течение нескольких десятков лет в Джунгарии не прекращались военные конфликты, население оказалось в тяжёлом положении. Даваца, провозгласив себя ханом, замучил своих подданных, подорвал жёлтую религию¹⁰. Народ не только не смог жить спокойно, но и был вынужден бежать. Сейчас великий император, позаботившись о жизни населения [нашего края], послал войска для его спасения...» [10, с. 73, 74]. Таким образом, цинским императорам с сердцами «исполненными любовью и состраданием» [Цит. по 34, с. 270, 271] ко всему живому, всё же приходилось время от времени «обременять войска Небесной династии» [Цит. по 15, с. 237] на нелёгком пути достижения своей глобальной цели — вселенской гармонии. Действительно, маньчжурские правители применяли грубую силу, но только как крайнее средство, когда соседи неоднократно нарушали высочайшие эдикты о необходимости мирного сосуществования [10; 23] и зачастую по нижайшим просьбам страдающего населения [10]. Официальная историческая наука трактовала войны Великой Цин как «устранение последних препятствий» [Цит. по 15, с. 240] на «пути свершения великого дела» [Цит. по 15, с. 240]. Например, в «Описании усмирения гуркхов» по этому поводу говорится: «В прошлый раз, когда [гурки] нарушили границы, [к ним] не были применены карательные меры, и [у них] вошло в привычку под разными предложениями затевать ссоры. Поэтому действительно, [как об этом сказано] в императорском манифесте, возникла необходимость продемонстрировать [им нашу] военную силу, поднять войска и идти [на них] карательным походом. Метод «одно усилие приносит вечное освобождение» ведёт к глубокому постижению основных принципов управления «четырьмя варварами» [Цит. по 15, с. 244]. Более того, поставленные в широкий исторический контекст военные компании демонстрируют политическую и идеологическую преемственность как между маньчжурской династией и династиями — предшественницами в целом, так и между императорами собственно Великой Цин, ещё раз подчёркивая легитимность правления дома Айсиньгиоро. Император Канси в «Описании государева похода и усмирения населения территорий к северу от пустыни» так высказался по этому поводу: «Я заметил, что монголы за границами всегда противостояли Китаю. Начиная с Хань, Тан, Сун и Мин они всегда вредили нам... Ни одна династия

¹⁰ Жёлтая религия — тибетский буддизм или ламаизм, с конца XVI века ставший основной религией монголов. См. [2; 8]

до нашей не простёрла своей власти над Монголией и не заставила покориться в их сердцах» [Цит. по 33, с. 200]. Своему великому предку вторит император Цяньлун в «Описании усмирения джунгаров»: «... Джунгарский вопрос является делом, незавершённым моим дедом Шэн цзу Жэнь хуанди и отцом Ши цзун Сянь хуанди... Вначале у меня не было намерения посылать войска и завоёвывать [Джунгарию]. Так как в последние годы, они [ойраты] враждовали между собой, народ разочарован... В силу этого было запланировано отправить войска по двум дорогам, чтобы навсегда успокоить душу...» [10, с. 76, 77]. Именно эта апелляция к необходимости завершения своего небесного предназначения, а именно установления и сохранения вселенской гармонии, давала официальному историописанию право применять формулу «пиндин» (平定 «усмирение») в названиях произведений жанра *фанлюэ*. С глобальной точки зрения «неразумное поведение» варваров бросало вызов не столько Срединной империи, сколько самому Небесному миропорядку, и именно на этот вызов реагировали маньчжурские императоры, затеявая свои военные компании. Следует также отметить, что, как видно из последней цитаты, император Цяньлун не только продемонстрировал прямую преемственность политического курса, но и не преминул подчеркнуть личный образ почтительного сына, который завершил дело, начатое отцом и дедом, ещё раз намекая на всемерную приверженность маньчжурских Сынов Неба традиционным этико — моральным нормам посредством апелляции к такой базовой конфуцианской добродетели, как сыновняя почтительность (*сяо* 小).

Цинские монархи не обошли вниманием и тему собственных августейших совершенств, всемерно эксплуатируя одну из главных идей своего времени о мировом устройении через личное совершенство правителя [16]. Именно беспредельная мудрость давала монархам возможность предвидеть результаты своих военных компаний и составлять «глубокие и всесторонне продуманные планы» [23], которые естественно вели к «выдающимся результатам» [23], несмотря на определённую оппозицию внутри двора [23]. Столь же беспредельные гуманность и любовь ко всему живому не позволяли монархам прибегать к излишней жестокости, более того, добродетельные Сыны Неба всегда были готовы простить «приобретающих разум и признающих свою вину» [10, с. 82], особенно, если последние уже не представляли угрозы. Ибо, как говорил император Цяньлун, «...нельзя называть воинственностью уничтожение тех, кто просит пощады» [Цит. по 16, с. 223]. Видя столь великое совершенство и беспрестанную заботу цинских монархов, покорённые народы с радостью приветствовали победоносные цинские армии. Как сказано в одном из докладов ванов и *дачэней* (сановников) по поводу победы императорских войск в Или 28 июня 1755 г.: «С момента... вступления в Джунгарию с войсками [люди], услышав об этом, отовсюду стали подходить и присоединяться... ойраты, мусульмане и ламы встретили [нас], даже преподнесли баранов и вина. // Некоторые встречавшие со всеми членами поклонились, сойдя с коней и приставив руки ко лбу» [10, с. 75]. Само Небо, отвечая на великое тщание своих праведных сынов на непростой ниве мироустройства, все-

мерно способствовало им, посылая всевозможные благие знамения [23]. Таким образом, как отмечает известный отечественный синолог Мартынов А.С.: «Экспансия, помещённая в концептуальную рамку установления «великого спокойствия» в Поднебесной, переставала быть грубым актом насилия и превращалась в образцовый акт идеальной личности, направленный на достижение идеального состояния порядка в мире» [16, с. 222].

Итак, как показывает история, несмотря на беспрестанные заявления китайских Сынов Неба о своей нелюбви к применению грубой силы, все успешные имперские династии Китая были в высшей степени искусны в использовании войны для формирования и поддержания государства. Как отмечает американский синолог Питер Лордж: «Китайские империи создавались отнюдь не культивацией добродетелей, фундаментальным культурным ориентиром в политике или идеологическими апелляциями к этническому единству, они создавались десятилетиями войн и политического соперничества» [30, с. 2]. Но именно при правлении последнего императорского дома Айсиньгиоро «военная мощь и ассоциировавшиеся с ней воинские добродетели стали ключевыми компонентами политики» [35, с. 1]. По мнению многих учёных именно «сфокусированность на войне — одна из определяющих характеристик, отличавших Цин от всех других правящих домов Китая императорского периода, которые, как правило, предпочитали подчинять военные дела — гражданским» [35, с. 1]. Войны Великой Цин второй половины XVII—XVIII вв. привели к беспрецедентной экспансии империи. Сами же военные компании «сопровождались культурной трансформацией, проводимой ради продвижения военного успеха и воинских достоинств, лежащих в его основе, в центр внимания подданных империи. В сочетании с ключевым принципом цинского правления, а именно универсализмом, этот план имел своей целью привнести понимание имперской экспансии и военной мощи во все сферы жизни: политическую, культурную, моральную, интеллектуальную, духовную и материальную» [35, с. 1]. В этом смысле «Описания войн» как часть общей культурной политики маньчжурских императоров представляли собой чрезвычайно эффективное средство социальной индоктринации. За относительно короткий срок, уже в XIX веке, на фоне общей стагнации империи, жанр приходит в упадок [7], официальной исторической науке удалось не только примирить традиционно пацифистские ханьские политические и общекультурные концепции с универсалистскими амбициями маньчжурских правителей, но и создать идеальную интерпретацию военной экспансии Великой Цин, используя при этом три концептуальные идеологические — политические идеи: достижение полного устройства, устройство через личные совершенства и путём воспроизведения древности [16]. На страницах «фанлюэ» процесс покорения соседних народов утрачивает свой неприглядный милитаристский вид и превращается в некое ритуальное, бескровное, а самое главное, санкционированное Небом свершение: как минимум — завершающий акт «консолидации территории империи (*тун и 统一*)» [7, с. 103], а как максимум — установление всеобщей гармонии; и то, и другое — основополагающие функции легитимных правителей Поднебесной.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Александров В.А. Россия на Дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). М.: Наука, 1969. 240 с.
2. Барфилд Т.Дж. Опасная граница: Кочевые империи и Китай (221 г. до н.э. — 1757 г. н.э.) / Пер. Д.В. Рухлядева., В.Б. Кузнецова; науч. ред. и пред. Д.В. Рухлядева. СПб: Петербургский гос. Университет. Факультет филологии и искусств, 2009. 487 с.
3. Беспрозванных Е.Л. Лидеры Тибета и их роль в тибето — китайских отношениях XVII—XVIII вв. Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 2001. 356 с.
4. Буров В.Г. Мироззрение китайского мыслителя XVII века Ван Чуаньшаня. М: Наука 1976, 219 с.
5. Дао дэ цзин // Древнекитайская философия: Собр. текстов: в 2 т. М.: 1972.
6. Доклады императорам Дайцинской династии из иноземных и даннических стран. Б/М. Б/Г. (Пер. и прим. К.Ш. Хафизовой) // Китайские документы и материалы по истории Восточного Туркестана, Средней Азии и Казахстана XIV—XIX вв. Алматы: Гылым, 1994. С. 19—32.
7. Доронин Б.Г. Историография императорского Китая XVII—XVIII вв. СПб: Филол. фак-т СПбГУ, 2002. 288 с.
8. Златкин И.Я. История Джунгарского ханства (1635—1758) издание второе. М.: «Наука», 1983. 334 с.
9. Извлечения из «Дай Цин шэнцзу жэньшихуанди шилу» (Пер. и прим. К.Ш. Хафизовой) // Китайские документы и материалы по истории Восточного Туркестана, Средней Азии и Казахстана XIV—XIX вв. Алматы: Гылым, 1994. С. 59—70.
10. Извлечения из «Пиндин чжуньгээр фанлюэ» («Описания усмирения джунгаров»). По истории Джунгарии и Восточного Туркестана (Пер. и прим. А.Х. Ходжаева) // Китайские документы и материалы по истории Восточного Туркестана, Средней Азии и Казахстана XIV—XIX вв. Алматы: Гылым, 1994. С. 70—142.
11. Конрад Н.И. Сунь-цзы: Трактат о военном искусстве. Перевод и исследование. М. — Л, 1950.
12. Курц Б.Г. Русско-китайские сношения в XVI, XVII и XVIII столетиях. Харьков: 1929. 159 с.
13. Мартынов А.С. О двух рядах терминов в китайских политических текстах // Письменные памятники Востока: историко — филологические исследования. М.: Наука, 1972. С. 343—352.
14. Мартынов А.С. Представление о природе и мироустроительных функциях власти китайских императоров в официальной традиции // Народы стран Азии и Африки, 1973. № 5. С. 73—82.
15. Мартынов А.С. Статус Тибета в XVII—XVIII веках в традиционной китайской системе политических представлений. М.: Наука, 1978 г. 287 с.
16. Мартынов А.С. Традиция и политика в период Цяньлун // Конфуцианство в Китае: проблемы теории и практики. М.: Наука, Гл. ред. вост. литературы, 1982. С. 207—230.
17. Мелихов Г.В. О северной границе восточных владений маньчжурских (цинских) феодалов в период завоевания ими Китая (40—80—е гг. XVIII в.) // Документы опровергают. М.: Мысль, 1982. С. 18—70.
18. Моисеев В.А. К вопросу об историческом статусе Джунгарского ханства // Шестая научная конференция «Общество и государство в Китае»: тез. и докл. VI науч. М.: Наука, 1975. Ч. I. С. 175—178.
19. Мясников В.С. Россия и Китай: контакты государств и цивилизаций // Общественные науки и современность. 1996. № 2. С. 72—80 — <http://ecsocman.hse.ru/ons/msg/18081718.html> (дата обращения: 11.04.2013).
20. Непомнин О.Е. История Китая: Эпоха Цин. XVII — начало XX века. М.: Вост. лит, 2005. 712 с.
21. Описание Тибета в нынешнем его состоянии. С картою дороги из Чэн-ду до Лхасы. Пер. с кит. Бичурин И. Санктпетербург: Типография Императорского Воспитательного Дома, 1828. 257 с.

22. Русско-Китайские отношения в XVII веке: Материалы и документы. Т. 2, 1686—1691. М.: Наука, 1978 г. — http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XVII/1680-1700/Rus_kit2/ (дата обращения: 11.04.2013).
23. Стратегические планы усмирения русских (Пиндин лоча фанлюэ) // Русско-Китайские отношения в XVII веке: Материалы и документы. Т. 2, 1686—1691. М.: Наука, 1978 г. — http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XVII/1680-1700/Rus_kit2/pril31.htm (дата обращения: 11.04.2013).
24. Хафизова К.Ш. «Пиндин чжунгээр фанлюэ» как источник по истории взаимоотношений Цинской империи с казахскими ханствами во второй половине XVIII в. // Материалы конференции молодых научных сотрудников и аспирантов Института Востоковедения АН ССР — М.: 1972. Вып. 2. с. 139
25. Чув Н.И. Ранние даосы о проблемах войны и мира // Вестник Челябинского Государственного Университета. Челябинск: изд-во Челябинского Гос. Ун-та, 2004. № 1 (4). С. 42—55.
26. Bartlett B.S. Monarchs and Ministers: the Grand Council in Mid-Ch'ing China, 1723—1820. Berkeley & Los Angeles: University of California Press, 1991. 417 p.
27. China among Equals: The Middle Kingdom and Its Neighbors, 10th — 14th Centuries Ed. by Morris Rossabi. University of California Press, 1983. 436 p.
28. Dai Yingcong A Disguised Defeat: The Myanmar Campaign of the Qing Dynasty // Modern Asian Studies, Feb. 2004. vol. 38. issue 1. P. 145—189.
29. Hernan J.E. Amid the Clouds and Mist: China's colonization of Guizhou, 1200—1700. Cambridge & London: Harvard University Asia Center, 2007. 344 p.
30. Lorge P. War, Politics and Society in Early Modern China, 900—1795. London, New York: Routledge, Taylor and Francis Group, 2005. 200 p.
31. Ning Chia Lifanyuan and the Management of Population Diversity in Early Qing (1636—1795). Work Paper 139. Halle / Saale: Max Plank Institute for Social Anthropology. Working Paper, 2012. 22 p.
32. Ning Chia The Lifanyuan and the Inner Asian Rituals in the Early Qing (1644—1795) // Late Imperial China, June 1993. vol. 14. P. 1. P. 60—92.
33. Perdue P.C. China Marches West: The Qing Conquest of Central Eurasia. Cambridge: Harvard University Press, 2006. 748 p.
34. Perdue P.C. Culture, History, and Imperial Chinese Strategy: Legacies of the Qing Conquest // Warfare in Chinese History Ed. by Hans J. Van De Ven. Leiden; Boston; Köln: Brill, 2000. p. 252—287.
35. Waley — Cohen J. On the Militarization of Culture in the Eighteenth — Century Qing Empire // Symposium: Imperial Trauma, Part 3. Duke University Press, 2006. pp. 96—106.
36. Waley — Cohen J. The Culture of War in China: Empire and the Military under the Qing Dynasty. London, New York: I.B. Tauris & Co LTD, 2006. 177 p.
37. 李学勤, 吕文郁 ed., 四库大词典 = Большой словарь китайской библиографии / сост. Ли Сюэцин, Люй Вэньюй: в 2 т. 长春:吉林人民出版社, 1996.
38. 冯家升, 程溯洛, 穆广文 ed., 维吾尔族史料简编 = Краткий сборник материалов по истории уйгуров / сост. Фэн Цзяшэн, Чэн Суло, Му Гуанвэнь: в 2 т. 北京: 民族出版社, 1956.
39. 庄严 [et. al.] 黄宗羲诗文选 = Избранные стихи и проза Хуан Цзунси / сост. Чжуан Янь. 上海: 华东师范大学出版社, 1990. с. 430.
40. 庄吉发 清高宗十全武功研究 = Чжуан Цифа Исследование Десяти военных свершений цинского Гаоцзуна. 台北: 故宫博物院, 1982. с. 644.
41. 沈善洪 ed., 黄宗羲全集 = Полное собрание сочинений Хуан Цзунси / сост. Шэнь Шаньхун: в 12 т. 浙江: 浙江古籍出版社, 1985.
42. 大清圣祖仁 (康熙) 皇帝实录 = Правдивые записи о правлении императора Шэньцзу Жэнь (Канси) хуанди Великой династии Цин. 台北: 华文书局出版社, 1964. 3985 с.
43. 剪伯赞 ed., 历代各族传记汇编 = Собрание материалов из династийных историй по истории различных народов / сост. Цзянь Боцзань: в 3 т. 北京: 中华书局, 1958.
44. 何冠彪 清代前期君主对官私史学的影像 = Хэ Гуаньбяо. Влияние маньчжурских императоров на официальную и частную историографию в период Цин) // 汉学研究 = Синологические исследования. 1998. Т. 16, № 1. С. 155—184.